

«Начало» 1899, кн. III.

Мас. N108

В. Богучарский

ЧТО ТАКОЕ „ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЕ ИДЕАЛЫ“?

Прочна суровая среда,
Гдѣ поколѣнія людей
Живутъ безсмысленнѣй звѣрей
И ирутъ безъ всякаго слѣда
И безъ урока для дѣтей.

Некрасовъ.

Одною изъ наиболѣе распространенныхъ въ народнической литературѣ иллюзій была въ свое время вѣра въ наличность въ средѣ народа такихъ «идеаловъ», которые будто бы вполне отвѣчали идеаламъ самихъ народниковъ и нуждались для своего воплощенія въ жизнь лишь въ извѣстномъ оплодотвореніи со стороны «критически мыслящихъ личностей». Эту наивную вѣру въ такъ называемые «земледѣльческіе идеалы» сохранили и до нашихъ дней нѣкоторые народники, изъ которыхъ г. Левицкій, напр., готовъ и теперь яростно потрясать картоннымъ мечемъ и вызывать на смертный бой всѣхъ супостатовъ, не раздѣляющихъ его маниловскихъ фантазій. О народникахъ такого рода можно сказать исторической фразой, что «они все позабыли и ничему не научились». Позабыли они въ числѣ многого другого и великолѣпный очеркъ народника-беллетриста Глѣба Успенскаго подъ заглавіемъ «Не суйся», на которомъ мы и позволимъ себѣ остановить на нѣкоторое время читателя.

«Не суйся! Убирайся вонъ, дѣлать тебѣ здѣсь нечего и соваться не въ свое дѣло (неоговоренный курсивъ вездѣ написъ В. Б.) не зачѣмъ!» Эти мысли ошеломили меня, ибо доказывались цѣлымъ рядомъ самыхъ неопровержимыхъ фактовъ, почерпнутыхъ изъ самыхъ подлинныхъ типичныхъ явленій деревенской дѣйствительности.

Такъ началъ свой очеркъ Глѣбъ Успенскій. Эта полная ненужность народника въ деревнѣ выяснилась художнику только тогда, когда онъ помнитъ, отъ чего именно зависитъ «широта и основательность» міросозерцанія Ивана Ермолаевича и когда онъ, «положивъ въ основаніе (курсивъ Успенскаго) всей организаціи крестьянской жизни земледѣльческій трудъ» (курсивъ его же), попытался вникнуть въ него подробнѣе, обозначить себѣ его спеціальныя свойства и вліянія на неразрывно связаннаго съ нимъ человека».

При такомъ, къ слову сказать, совершенно правильномъ взглядѣ на дѣло, оказалось, что природа, съ которой стоитъ Иванъ Ермолаевичъ лицомъ къ лицу, «учить его признавать власть и притомъ власть безконтрольную, своеобразную, капризно-прихотливую и бездушно-жестокую». Иванъ Ермолаевичъ съ трепетомъ ждетъ дождя на свою пашню, собралась туча, да, будто на смѣхъ, только поманили его и ушли. «Терпи, Иванъ Ермолаевичъ!» И Иванъ Ермолаевичъ умѣетъ терпѣть, терпѣть, не думая, не объясняя, терпѣть безпрекословно. Но, пришибая такимъ образомъ человѣка, вкореняя въ его сознание идею о необходимости безусловнаго подчиненія, вкореняя эту идею, какъ нѣчто неизбежное, неотвратимое, нѣчто такое, чего нельзя ни понять, ни объяснить, ни тѣмъ паче протестовать,—та же самая природа весьма обстоятельно знакомитъ Ивана Ермолаевича въ *своихъ удовольствіяхъ власти* (курсивъ Успенскаго), т. е. даетъ ему возможность и самому, несмотря на то, что онъ въ рваномъ тулупѣ и рваныхъ лаптяхъ, ежеминутно испытывать тѣ же самыя удовольствія своего собственнаго могущества, которыя знакомы только неограниченному державцу». Указаніи въ какомъ абсолютномъ подчиненіи находятся у Ивана Ермолаевича его собственные «подданные» т. е. прежде всего принадлежащія ему куры, коровы, овцы и лошади, авторъ спрашиваетъ: «можетъ ли Иванъ Ермолаевичъ, получающій знанія непосредственно отъ природы, имѣть хоть малѣйшую тѣнь сомнѣнія въ неизбежности самой абсолютнѣйшей, самой прихотливой, а, главное, ничѣмъ не объяснимой власти? Онъ знаетъ это потому, что прихоти и капризы ея испытать на своей шкурѣ въ видѣ гнета природы, онъ знаетъ ее и изъ собственнаго опыта надъ своими безкорыстными подданными. Почему его гнететъ природа, почему она его мучаетъ, разоряетъ, почему она ему благодѣтельствуетъ или почему онъ *долженъ* (курсивъ Успенскаго) обирать у куръ яйца, а куры *должны* (курсивъ его же) ихъ нести,—все это неизвестно, все это тайна, но что это такъ, что *безъ этого нельзя* (курсивъ его же),—въ этомъ можетъ ли быть лишь малѣйшее сомнѣніе?»

«Изъ всего этого видно, что «повинуйся» и «повелѣвай» до такой степени прочно вбиты природою въ сознание Ивана Ермолаевича что ихъ оттуда не вытѣпцешь никакими доктратами. Непосредственная, постоянная связь Ивана Ермолаевича съ природою, отъ которой онъ единственно черпываетъ все свои свѣдѣнія, взгляды, вкореняя въ основаніе всего жизненнаго обихода Ивана Ермолаевича эти два положенія т. е. повинуйся и повелѣвай, до такой степени послѣдовательно продолжается и *въ его семейно-общинной жизни*, что поматнуть что бы то ни было во всей этой стройной организаціи рѣшительно нѣтъ ни возможности, ни смысла».

Вотъ является «колебатель основъ», но «на все книжныя разглагодействованія свои» получаетъ отъ Ивана Ермолаевича только одинъ отвѣтъ: «безъ этого нельзя», «отвѣтъ ясенъ, но это «только»,—говоритъ авторъ,—имѣетъ за собою вѣковѣчность и прочность самой природы».

«Но этимъ краткимъ отвѣтомъ колебатель основъ, поясняетъ Успенскій, Иванъ Ермолаевичъ можетъ ограничиться единственно только по своей добротѣ; ежели же онъ человѣкъ не слишкомъ съ мягкимъ сердцемъ, то отвѣтъ его колебатель той или другой изъ основъ долженъ *непреломленно* выразиться въ представленіи этого самаго колебателя по началству, не какъ злодѣя, а просто какъ *сумасшедшаго пустомысла*, который болтаетъ зря не вѣсть что и своими пустомысленными разговорами можетъ вредить въ такихъ дѣлахъ, въ которыхъ не смыслить ни уха, ни рыла, поданія, что въ дѣлахъ этихъ можно что-нибудь измѣнить, тогда какъ Ивану Ермолаевичу доподлинно извѣстно противное, что ничего тутъ измѣнить нельзя и что, вообще, «безъ этого нельзя».

Принципы «подчиненія» и «господства» проводить Иванъ Ермолаевичъ во всю свою жизнь съ такою стройностью и послѣдовательностью, «все у него основано и все держится на такомъ резонномъ, добровольно неизбѣжномъ подчиненіи, что колебатель основъ оказывается *совершенно ненужнымъ съ своими гуманными разлагольствованіями*».

Этими же принципами руководствуются «земледѣльцы» и при насильственныхъ выдачахъ замужъ и насильственныхъ женитьбахъ. «На повѣрку» и тутъ никакого «тиранства» не оказывается, ибо и «безъ этого нельзя».

«Объясненіе высшаго государственнаго порядка также безъ всякаго затрудненія получается изъ опыта, приобретаемаго крестьяниномъ въ области *только* (курсивъ Успенскаго) сельско-хозяйственнаго труда и идеаловъ. На основаніи этого опыта можно объяснить высшую власть: «нельзя безъ большака, это хоть и нашего брата взять».

«Войдя въ этотъ міръ и вполне проникшись сознаніемъ законности и непреклонности всего существующаго въ немъ, посторонній деревнѣ, хотя бы и озабоченный его человѣкъ, долженъ невольно оставить свои фанатеріи и, если онъ не сумѣетъ думать такъ, какъ думаетъ Иванъ Ермолаевичъ и притомъ не убѣдится такъ же, какъ убѣжденъ Иванъ Ермолаевичъ что иначе думать при такихъ то и такихъ то условіяхъ невозможно, то *тщательно долженъ оставить втунъ все свои теории, выработанныя на почвѣ совершенно иной*».

Такимъ образомъ и выходитъ, что всякія «книжки», «газетныя лохмотья», «всякія гуманства, воспитанныя досужей беллетристикой» тутъ не нужны. Значить, доподлинно, — «не суйся!»

Мы воспроизвели лишь наиболѣе характерныя, по нашему мнѣнію, мѣста изъ этого замѣчательнаго по своей *жизненной правдѣ* очерка, будучи вполне убѣждены, что онъ читателю хорошо знакомъ, и настоятельно рекомендуя въ противномъ случаѣ возобновить его въ своей памяти. Вѣдь, если «ученики» «не знаютъ народа», то Глѣбъ Успенскій зналъ его и на такой авторитетъ положиться можно. Въ приведенномъ же очеркѣ Успенскій съ удивительнымъ проникновеніемъ въ самые глубокіе тайники души земледѣльца повялъ своимъ *художествен-*

ными чутьем коренную зависимость социальной психики отъ экономическихъ условій, на которыхъ она вырастаетъ, и съ необыкновенною ясностью прослѣдизъ ее на всѣхъ большихъ и малыхъ явленіяхъ, изъ которыхъ складывается повседневная жизнь «пахаря». Именно объ эту психику гораздо въ большей степени, чѣмъ объ «внѣшнія условія»,— значеніе которыхъ не мы, конечно, будемъ отрицать,—разбились всѣ упованія народниковъ... Упоренъ въ своихъ вѣрованіяхъ народъ, но не менѣе его упоренъ въ своихъ и народникъ. Казалось бы, что, оцѣнивши такъ глубоко значеніе «земледѣльческихъ идеаловъ», отдавши себѣ отчетъ въ тѣхъ основаніяхъ, въ силу которыхъ въ народѣ неизбѣжно должны существовать идеалы именно такіе, а не другіе, понявши, наконецъ, всю абсолютную несовмѣстимость ихъ съ идеалами народника, Успенскій долженъ былъ бы поставить, какъ говорится, полный крестъ на народническихъ теоріяхъ, но не тутъ-то было: вѣдь, на то онъ и самъ народникъ...

Не взирая на повелительный крикъ, обращенный деревней къ народнику,—«не суйся!»,—народникъ все-таки не смущается, и Успенскій находитъ ему въ этомъ «смягчающія вину обстоятельства», поднося читателю подъ этимъ заглавіемъ свой слѣдующій за «Не суйся» очеркъ въ серіи ихъ, называемой «На родной нивѣ».

Что же это за «смягчающія вину обстоятельства» и въ чемъ онѣ состоятъ? А состоятъ онѣ въ томъ, изволите ли видѣть, «замѣчательно рѣшительно» всѣми, кто мало-мальски знаетъ народъ, обстоятельствомъ, что стройность сельскохозяйственныхъ *земледѣльческихъ идеаловъ* безпощадно разрушается такъ называемой цивилизаціей. До освобожденія крестьянъ нашъ народъ не имѣлъ съ этой *язвой* никакого дѣла: онъ стоялъ къ ней спиной, устремляя взоры единственно на помѣщичій амбаръ, для пополненія котораго и изощрялъ свою природную приспособительную способность. Теперь же, когда онъ, обернувшись къ амбару спиной, сталъ къ цивилизаціи лицомъ,—дѣло его, его міросозерцаніе, общественныя и частныя отношенія очутились *въ большой опасности* (какая жалость! В. Б.). Ибо цивилизація эта, какъ кажется, имѣетъ единственною (?) цѣлью стереть съ лица земли всѣ вышеупомянутые земледѣльческіе идеалы.

Итакъ, «земледѣльческіе идеалы» грозитъ опасность отъ «цивилизациі». Эта «цивилизациія» грозитъ стереть ихъ съ лица земли, и народникъ приходитъ въ отчаяніе, ругаетъ цивилизацію «язвой» и, забывая все на свѣтѣ, думаетъ лишь о спасеніи милыхъ его сердцу «устоевъ».

Разъ ставши на такую точку зрѣнія, умный, талантливый Успенскій договаривается до непостижимаго бреда: «керосиновая лампа,—плачетъ онъ,—уничтожаетъ лучину, выкуриваетъ вонъ изъ избы всю поэтическую (вѣрнѣе, крѣпостническую. В. Б.) старину лучинушки, удавляетъ вечеръ и, слѣдовательно, прибавляетъ *нѣсколько праздныхъ ча-*

совъ, которые и употребляются на переборы между бабами, главной причиной раздѣла и упадка хозяйства...»

Прочтя эту чудовищную тираду, можно подумать, что Успенскій жестоко смѣется надъ народниками и ихъ стремленіемъ задержать шествіе «трактирной цивилизаціи», жалобами и сѣтованіями на которую полна народническая литература. Но вѣтъ, этого ни откуда не видно, такъ какъ, хотя Успенскій и признаетъ, что требованіе для спасенія земледѣльческихъ идеаловъ «снести съ лица земли керосиновыя лампы, фабрики, желѣзныя дороги, телеграфы и т. д. было бы сочтено въ настоящее время за крайнее легкомысліе» (только «легкомысліе»! В. Б.), но въ то же время самъ чрезвычайно озабоченъ судьбою гибнущихъ «земледѣльческихъ идеаловъ». На что они ему нужны, зачѣмъ нужны, — это составляетъ непроницаемую тайну. «Язва» цивилизаціи подрываетъ всѣ основы, на которыхъ покоится сверху до низу «народная жизнь». Ну, и прекрасно дѣлаетъ, конечно, долженъ сказать всякій здравомыслящій человѣкъ, если только онъ не называется г. Левицкимъ или кѣмъ-либо изъ духовныхъ братьевъ его, такъ какъ цивилизація вовсе не имѣетъ «единственною цѣлю стереть съ лица земли всѣ земледѣльческіе идеалы», хотя ужъ и за одно это ей нельзя не сказать большого спасибо. Вѣдь, стирая съ лица земли «земледѣльческіе идеалы», цивилизація, — хотя бы и самая «растрактирная», — создаетъ условія, при которыхъ не будетъ болѣе мѣста такъ художественно изображенному Успенскимъ «не суйся», а «книжки», «газетныя лохмотья» и «всякія гуманства» займутъ въ жизни законно принадлежащее имъ мѣсто.

Спора нѣтъ, хорошо, очень хорошо, было бы перескочить прямо отъ современныхъ «земледѣльческихъ идеаловъ» крестьянина въ манящую лазурь далекаго будущаго, но, вѣдь, это же мечтанія Манилова о построенномъ изъ его имѣнія прямо въ Москву мостъ и прогулкѣ по немъ подъ руку съ Чичиковымъ въ званіи флигель-адъютантовъ. Слѣдовательно, задача имѣетъ только два рѣшенія: или современные «земледѣльческіе идеалы» со всѣми логическими изъ нихъ выводами, а значитъ и съ «не суйся» или признаніе за «керосиновыми лампами» и «линяющими ситчиками» не только разрушительной, но и созидательной силы. Но и это даже невѣрно, ибо на дѣлѣ выбора такого нѣтъ, а жизнь дѣлаетъ свое дѣло *по своему*, разъ на всегда крикнувши народу: «не суйся!»

Народники съ этимъ не согласятся, но тѣмъ хуже для нихъ. «Какимъ образомъ крестьянинъ можетъ освободиться отъ суевѣрій, являющихся слѣдствіемъ зависимости его отъ *власти земли* и непониманія социальнаго механизма? Это также для него *невозможно*, какъ для предоставленнаго всѣмъ невзгодамъ неустойчиваго существованія современнаго пролетарія, невозможно зажить спокойной и монотонной жизнью

ремесленниковъ среднихъ вѣковъ» *). Такъ говоритъ не какой-нибудь тамъ «русскій», а римскій «ученикъ» нѣмецкаго ученаго, Антоніо Лабріола. «Чтобы сдѣлаться экономически современнымъ обществомъ что создаетъ неизбежное условіе соответствующей политической эволюціи, — говоритъ онъ же, — Россія должна разстаться съ остатками земельной общины; она должна обуржуазиться, а для этого прежде всего она принуждена превратить землю въ товаръ, способный производить другіе товары и въ тоже время превратить въ пролетаріевъ членовъ земельной общины» **). Страшная съ народнической точки зрѣнія послѣдняя фраза является безъ сомнѣнія плодомъ сознанія автора что такая перемѣна заключалась бы въ дѣйствительности лишь въ превращеніи пролетарія «осѣдлаго» въ пролетарія vogelfrei и въ соответствующей метаморфозѣ, поэтому, и въ его «земледѣльческихъ идеалахъ». На нашъ взглядъ, дѣло совершенно ясное, что лишь съ освобожденіемъ отъ «земледѣльческихъ идеаловъ», а это явится лишь съ дальнѣйшимъ развитіемъ капитализма, можетъ исчезнуть весь дурманъ, отравляющій жизнь современной деревни. Вѣдь, въ ней, по истинѣ le mort saisit le vif! Съ народнической же точки зрѣнія, развитіе капитализма и испроверженіе имъ «земледѣльческихъ идеаловъ», именно и является для «суюнцагося», по словамъ самого же Успенскаго, «не въ свое дѣло» народника «смягчающимъ вину обстоятельствомъ». Идти, это обстоятельство не «смягчающее вину», а сильно ее увеличивающее, ибо обуреваемый безспорно самыми благими наміреніями народникъ не хочетъ въ этомъ случаѣ внимать голосу ни жизни, ни логики, и вмѣсто полезнаго дѣла ухлопываетъ все свои силы на самое бесполезное донкихотство. Надо понять разъ на всегда, что работа «керосиновыхъ лампъ» и «линяющихъ ситчиковъ», этихъ первыхъ ласточекъ развивающагося капитализма, имѣетъ одновременно и разрушительную, и созидательную стороны. Она подготавливаетъ почву, въ которой не будетъ болѣе соковъ для произростанія такого классическаго фрукта современной русской деревни, какъ «не суйся», она же отслоняетъ и особые элементы, по самому существу своему крайне заинтересованные въ «книжкахъ», «газетныхъ лохмотьяхъ» и «всякихъ гуманствахъ». Словомъ, если она создаетъ ненавистную не однимъ только народникамъ буржуазію, то она же создаетъ и ея антипода...

«Земледѣльческіе идеалы!» Много вздора наболтали въ русской литературѣ о поэзіи «идиллика земледѣльческаго быта» Кольцова всякіе Де-Шуле, Евгениі Марковы и имъ подобные, съ позволенія сказать, «критики», но не мало грѣховъ числится по этому же поводу и за писателями несравненно болѣе талантливыми и умными. Вина вата въ этомъ все та же несчастная народническая точка зрѣнія. Много говорили намъ

*) «Къ вопросу о матеріалистическомъ взглядѣ на исторію», стр. 67.

**) Ibid, стр. 20.

о «народности», «свѣжести», «сочности», «музыкальности» и т. д. кольцовскихъ произведеній, но была ли сдѣлана хоть одна попытка отдать правильный отчетъ въ общественномъ значеніи произведеній поэта-прасола, томъ значеніи, которое безъ сомнѣнія было чуждо самому Кольцову, какъ человѣку, но которое онъ, тѣмъ не менѣе, такъ ясно уловилъ своимъ художественнымъ чутьемъ? Мы беремъ на себя смѣлость утверждать, что изученіе произведеній Кольцова неизбѣжно приводитъ къ самымъ отрицательнымъ взглядамъ на значеніе той обстановки, среди которой жили воспѣваемые имъ персонажи, ибо въ произведеніяхъ прасола раскрывается одновременно и *сущность* «земледѣльческихъ идеаловъ» и ихъ коренная зависимость не отъ чего другого, какъ отъ «власти земли». Задолго до Успенскаго Кольцовъ постигъ уже своимъ художественнымъ чутьемъ все колоссальное значеніе для устойчивости русскаго патріархальнаго быта этой «власти земли». Въ лучшихъ произведеніяхъ «идиллика земледѣльческаго быта» отразились замѣчательно выпукло основныя психическія черты нашего «поселянина» и обрисовалась до наглядности ясно зависимость этихъ чертъ отъ экономическихъ условій, при которыхъ протекаетъ его жизнь. Надъ нимъ, надъ всѣмъ его существомъ, тяготѣетъ, какъ рокъ, «власть земли». Она, эта власть, преслѣдуетъ «пахаря» отъ колыбели и до могилы. Будетъ или не будетъ урожай, соберетъ земледѣлецъ или нѣтъ «хлѣбъ—его богатство», не разрушить ли всѣ его надежды и упованія, всѣ заботы и труды, какая-нибудь неодолимая сила въ родѣ града или засухи? И какъ же не бояться этихъ невѣдомыхъ, но страшныхъ силъ, если отъ ихъ милосердія или злобы зависитъ все его существованіе? Отсюда это сердечное умиленіе въ случаѣ благоприятнаго исхода дѣла, отсюда же и безропотное преклоненіе его передъ грозною и неумолимою судьбою. Кольцовъ, по вполне понятнымъ причинамъ, не могъ касаться свинцовыми гирями давившаго въ его время «поселянина» крѣпостного права, но онъ, глубоко проникши въ душу изображаемаго имъ люда, далъ намъ полныя художественной и жизненной правды картины другой, тоже, поистинѣ, *крѣпостной* зависимости земледѣльца отъ власти его «кормилицы-земли». Конечно, эти высокой цѣнности картины нарисованы Кольцовымъ не «отъ разума», а исключительно силою его крупнаго художественнаго дарованія, но отъ этого онѣ нисколько не теряютъ своего *общественнаго* значенія. Во всѣхъ лучшихъ произведеніяхъ Кольцова вы найдете все того же гораздо позже изображеннаго Успенскимъ «Ивана Ермолаевича» въ различныя минуты его жизни. Посмотрите на такіа стихотворенія, какъ «Урожай», «Пѣсня пахаря», «Крестьянская пирушка», «Размышленія поселянина», «Удалецъ» и т. д. и вы столкнетесь въ нихъ съ воспроизведеніемъ чрезвычайной скудости психики «пахаря» и присущихъ его жизненной обстановкѣ «земледѣльческихъ идеаловъ».

Шли дни, шли годы, смѣнялись, какъ листья на деревьяхъ, цѣлыя поколѣнія, а «власть земли» не утрачивала надъ поселяниномъ своей роковой силы, дѣлая изъ него въ огромномъ большинствѣ случаевъ прямое воплощеніе идеи «непротивленія злу». Да и какъ могла утратиться эта фатальная власть, куда исчезнуть, пока не народились въ странѣ производительныя силы, для которыхъ стала тѣснѣе правдѣдовскій способъ существованія пахара? Во времена Колыцова такихъ силъ не было и въ поминѣ, въ наше время онѣ въ полномъ ходу, подрывая, подобно кротамъ, подъ самый корень всѣ «устои народной жизни». И мы ни мало не склонны плакать надъ исчезновеніемъ «земледѣльческихъ идеаловъ», ибо ясно видимъ, что

Neues Leben blüht aus den Ruinen!

Это и только это «neues Leben» имѣетъ для насъ опредѣляющее характеръ нашей дѣятельности значеніе. Мы отлично сознаемъ всю тяжесть происходящихъ въ настоящее время «родовъ исторіи», мы ясно видимъ весь ужасъ положенія тѣхъ, для кого переживаемый Россією въ настоящее время моментъ отмѣчается прежде всего голодомъ и всѣми сопряженными съ нимъ бѣдствіями, мы, конечно, желаемъ, чтобы было сдѣлано все возможное для облегченія положенія несчастныхъ, мы рѣзко протестуемъ противъ слышащихся иногда обвиненій, будто бы «ученики» высказываются *противъ* помощи голодающимъ (лично мы такихъ «учениковъ» не встрѣчали и въ существованіи ихъ сомнѣваемся), мы готовы приветствовать всякую дѣятельность, имѣющую въ виду оказаніе помощи страждущимъ, но все это несколько не обязываетъ насъ закрывать глаза на значеніе «земледѣльческихъ идеаловъ» и той общественной среды, которая питаетъ ихъ жизнеспособность. Постараемся пояснить нашу мысль однимъ примѣромъ изъ жизни Англіи.

Описывая положеніе англійскихъ ткачей въ то время, когда они, подобно современнымъ русскимъ кустарямъ, имѣли собственныя Ackerwirtschaften, одинъ изъ «учителей» говоритъ:

«Auf diese Weise vegetierten die Arbeiter in einer ganz behaglichen Existenz und führten ein rechtschaffenenes und geruhiges Leben in aller Gottseligkeit und Ehrbarkeit, ihre materielle Stellung war bei weitem besser als die ihrer Nachfolger; sie brauchten sich nicht zu überarbeiten, sie machten nicht mehr, als sie Lust hatten, und verdienten doch, was sie brauchten, sie hatten Musse für gesunde Arbeit in ihrem Garten oder Felde, eine Arbeit, die ihnen selbst schon Erholung war und konnten ausser dem noch an den Erholungen und Spielen ihrer Nachbarn Theil nehmen: und alle diese Spiele, Kegel, Ballspiel u. s. w. trugen zur Erhaltung der Gesundheit und zur Kräftigung ihres Körpers bei. Sie waren meist starke wohlgebaute Leute, in deren Körperbildung wenig oder gar kein Unterschied von ihren bairischen Nachbarn zu entdecken war. Ihre Kinder wuchsen in der freien Landluft auf, und wenn sie ihren Eltern bei der Arbeit helfen konnten, so kam dies doch nur dann und

wann vor, und von einer acht-oder zwölfstündigen täglichen Arbeitszeit war keine Rede» *).

Услышавши про такую идиллію, наши народники, — по крайней мѣрѣ, современные, — невѣрно начертали бы въ своей программѣ скорѣйшее возвращеніе къ этимъ блаженнымъ временамъ, а вотъ, авторъ «Die Lage» думалъ иначе. Всѣ эти прекрасныя картины его нисколько не плѣнили и онъ съ удивительной «черствостью сердца» сталъ отыскивать въ жизни англійскихъ кустарей такія мрачныя стороны, компенсировать которыя никакъ не могли ни экономическій недостатокъ, ни свободный воздухъ деревни, ни даже бывшія къ услугамъ ткачей кегли.

«Sie konnten selten lesen, — говоритъ онъ, — und noch viel weniger schreiben, gingen regelmässig in die Kirche, politisirten nicht, konspirirten nicht, dachten nicht, ergötzen sich an körperlichen Uebungen, hörten die Bibel mit angestammter Andacht vorlesen, und vertrugen sich bei ihrer anspruchslosen Demuth mit den angesehenen Klassen der Gesellschaft ganz vortreflich. Dafür aber waren sie auch geistig tot, lebten nur für ihre kleinlichen Privatinteressen, für ihren Webstuhl und ihr Gärtchen und wussten nichts von der gewaltigen Bewegung, die draussen durch die Menschheit ging. Sie fühlten sich behaglich in ihrem stillen Pflanzenleben, und wären ohne die industrielle Revolution nie herausgetreten aus dieser allerdings sehr romantisch-gemüthlichen, aber doch eines Menschen unwürdigen Existenz» **)(курсивъ нашъ)

Наконецъ, этотъ жестокосердый и, очевидно, ничего не понимающій человекъ доходитъ до того, что отзывается о «самостоятельныхъ производителяхъ» такимъ образомъ: «Sie waren eben keine Menschen sondern blos arbeitende Maschinen im Dienste der wenigen Aristokraten, die bis dahin die Geschichte geleitet hatten» ***) Можно подумать, что авторъ этой книги былъ не «настоящимъ» марксистомъ... Онъ, впрочемъ, пожалуй, имъ и не былъ, когда въ 1845 году впервые писалъ цитируемыя строки, но во первыхъ онъ повторилъ ихъ, выразивши свою полную съ ними солидарность въ предисловіи ко второму изданію той же книги въ 1892 году, и, во вторыхъ, тѣ же мысли, но еще отчестливѣе, выразилъ онъ въ другомъ своемъ сочиненіи въ такихъ строкахъ:

«Erst das durch die moderne grosse Industrie geschaffene von allen ererbten Ketten, auch von denen, die es an den Boden fesselten, befreite und in den grossen Städten zusammengetriebene Proletariat ist im Stande, die grosse soziale Umgestaltung zu vollziehen, die aller Klassenausbeutung und aller Klassenherrschaft ein Ende machen wird. Die alten ländlichen Handwerker mit Haus und Herd wären nie im Stande dazu gewesen, sie hätten nie solch einen Gedanken fassen, noch weniger seine Ausführung wollen können» ****).

Что касается самого «учителя», то, вѣдь, всѣмъ хорошо извѣстенъ его совершенно серьезный отзывъ о «земледѣльческихъ идеалахъ», какъ объ «Idiotismus des Landlebens»...

*) Die Lage der Arbeitenden Klasse in England. 1892. Einleitung, S. 2.

**) Ibid., p. 3.

***) Ibid. I. 3—4.

****). Zur Wohnungsfrage, Zweite Auflage. 1897. S. 16—17.

Теперь позволительно спросить нѣкихъ отечественныхъ мудрецовъ. дѣйствительно ли искажаютъ «ученики» мнѣнія объ этомъ предметѣ своихъ учителей, какъ о томъ еще недавно заявляла въ петербургскихъ клубахъ и газетахъ разная нищія духомъ братія? Русскіе народники ни на что, кажется, такъ не обижаются, какъ на допускаемые нѣкоторыми писателями скептическое отношеніе къ жизни современной деревни. Недавно только умолкли въ нашей литературѣ споры о значеніи произведенія г. Чехова «Мужики». Много досталось г. Чехову отъ народниковъ за его «Мужиковъ» вообще и за то, какъ смѣлъ онъ дать своему разсказу столь «обобщенное» названіе въ частности. Къ хору хулителей г. Чехова за эту непростительную вещь присоединилъ свой голосъ и г. Гриневичъ въ напечатанной въ августовской книжкѣ «Русскаго Богатства» за 1898 годъ статьѣ, подъ заглавіемъ «Итоги двухъ юбилеевъ». Отдавая полную справедливость таланту г. Чехова г. Гриневичъ, ставитъ однако, въ вину автору то обстоятельство, что въ «Мужикахъ» изображена «крестьянская скотина... увы, не «святая» даже скотина, а скотина просто»... *). Подмизгуя далѣе съ «Русскою Мыслью» по поводу даннаго этимъ журналомъ объясненія чеховскаго разсказа въ томъ смыслѣ, что г. Чеховъ вовсе, молъ, и не думалъ рисовать типичную фizioномію русскаго крестьянина, и хотѣлъ только сказать намъ, — «смотрите, какіе *бываютъ* на Руси мужики подъ гнетомъ нужды и невѣжества, смотрите и ужасайтесь», — г. Гриневичъ говоритъ: «на нашъ взглядъ это въ высшей степени странное объясненіе; прядь ли бы г. Чеховъ далъ своему разсказу столь *обобщенное названіе*. (коротко, вѣдь, и ясно: «Му-жи-ки!»), если бы хотѣлъ то одно показать, что подобныя мужики возможны на свѣтѣ». Любопытно, что статья, гдѣ изливается своя горечь и негодованіе на г. Чехова по этому случаю г. Гриневичъ, написана имъ по поводу юбилея Бѣлинскаго, того самого Бѣлинскаго, который, — и г. Гриневичъ напрасно не обратилъ на это вниманія, — оборвалъ критика «Москвитянина» за-точь въ-точь такія же его lamentаціи по поводу разсказа г. Григоровича «Деревня». Вѣдь, «коротко и ясно», г. Гриневичъ, «Де-рев-ня»! т. е. названіе никакъ не менѣе, если еще не болѣе «обобщенное», чѣмъ «Му-жи-ки», а вотъ же Бѣлинскій не придалъ этому «обобщенному названію» никакого значенія.

«Критикъ «Москвитянина», — писалъ Бѣлинскій, — особенно обидѣлся повѣстью «Деревня» (Григоровича). «Въ ней, — говоритъ онъ, — собрано и ярко выставлено все, что можно было найти въ нравахъ крестьянъ грубаго, оскорбительнаго и жестокаго. Но поражаютъ не частности, а глубокая безчувственность и совершенное отсутствіе нравственнаго смысла въ цѣломъ быту. Ни состраданія, ни раскаянія, ни стыда ни страха, ни даже животной привязанности между единокровными — авторъ

*) По поводу двухъ юбилеевъ. «Рус. Богатство», августъ. 1898 г. стр. 103.

ничего не нашелъ въ русской деревнѣ. Можетъ быть вы подумаете, что она представляется ему въ томъ состояніи первобытной дикости, которое, по мнѣнію нѣкоторыхъ, предшествуетъ пробужденію нравственнаго сознанія и, слѣдовательно, допускаетъ развитіе, но вы ошибаетесь; въ сквернословіи крестьянъ авторъ подслушалъ какую-то иронію надъ погрѣшнымъ чувствомъ, признакъ не дикости, а растлѣнія; имена отца и матери, слова молитвы произносятся безпрестанно и безотзывно; ими играютъ безъ содраганія; они какъ будто выдуманы для другихъ людей, а не для жалкаго племени, утратившаго всякое подобіе съ человѣкомъ». (Пу, развѣ не напоминаетъ все это самымъ точнымъ образомъ народнической «критики» чеховскихъ «Мужиковъ»? В. Б.) «У! Какъ сильно!—писать, приведя эту цитату изъ «Москвитянина», Вѣлинскій. Только справедливо ли? Содержаніе повѣсти «Деревня» состоитъ въ томъ, что бѣдную заглупленную сиротку, по проискамъ плута-старосты, господу выдали замужъ за негодяя въ дурную семью. Что же критикъ «Москвитянина» думаетъ, что въ деревняхъ нѣтъ негодяевъ, нѣтъ дурныхъ семействъ? и т. д. Въ повѣсти «Деревня г. Григоровичъ изобразилъ деревню (замѣтите, г. Гриневичъ, «изобразилъ деревню». В. Б.) именно въ томъ видѣ, какъ это говоритъ критикъ «Москвитянина», хотя и не съ тою цѣлью, не съ тою мыслью, которыми онъ такъ великодушно ему приписываетъ. (Значитъ, г. Гриневичъ, Вѣлинскій согласенъ, что изображеніе «деревни» совершенно вѣрно и возражаетъ лишь противъ даннаго критикомъ «Москвитянина» толкованія *цѣлей* такого изображенія. В. Б.) Какое имѣете вы право требовать отъ автора, чтобы онъ замѣчалъ и изображалъ не ту сторону дѣйствительности, которая *сама лезетъ ему въ глаза*, которую онъ узналъ, изучилъ, а ту, которая насъ занимаетъ? Вы въ правѣ только требовать, чтобы онъ не выдумывалъ, былъ вѣренъ изображенной имъ дѣйствительности, а *все, что есть и бываетъ, принадлежитъ ему, равно какъ и выборъ изъ всего этого* *).

Слышали, г. Гриневичъ? И, вѣдь, такой былъ чудакъ этотъ неистовый Виссаріонъ, что даже не замѣтилъ, ни однимъ словомъ не обмолвился о «столь обобщенномъ названіи», какъ «Деревня» и не сталъ допытываться у г. Григоровича, съ какою, молъ, *цѣлью* ты это написалъ? И затѣмъ о безчувствіи г. Григоровича тоже промолчалъ, тогда какъ наши романтики изъ всѣхъ силъ стремятся показать, какіе они чувствительные люди. Вообще, совсѣмъ особенный человѣкъ былъ покойникъ, и по его отзыву о «Деревнѣ», не трудно заключить, какъ отзывался бы онъ не только о чеховскихъ «Мужикахъ», но и о критикахъ-романтикахъ этого произведенія. Последнее явствуетъ изъ такихъ, напр., его же словъ:

«Для романтиковъ чувство есть единственный непогрѣшимый авторитетъ въ рѣшеніи всѣхъ вопросовъ жизни» **).

*) Отвѣтъ «Москвитянину». Соч. П. П. Вѣлинскаго. Т. IV. 1897 г. стр. 533—539.

**) Взглядъ на русскую литературу 1847 года, *ibid.*, стр. 436.

«Обыкновенно романтики придаютъ страшную цѣну чувству, думаютъ, что только они одни надѣлены сильными чувствами, а другіе лишены ихъ, потому что не кричатъ о своихъ чувствахъ» *).

Свою статью г. Гриневичъ заключаетъ такими патетическими словами: «мы глубоко вѣримъ, что существующій идейный туманъ рассеется и истина восторжествуетъ. Изъ смуты литературныхъ настроеній и понятій, быть можетъ, незамѣтнымъ образомъ, выработается здоровая программа борьбы за прогрессъ и за общее счастье и слово «народъ» опять единодушно будетъ написано на знамени всѣхъ лучшихъ органовъ и представителей нашей литературы. Это ее традиціонный боевой кличъ, и въ немъ ее сила и законная гордость» **).

Г. Гриневичъ «глубоко вѣритъ» и проч. Что же, это дѣйствиельно очень успокоительно на душу, ибо давно уже сказано, — «блаженъ, кто вѣруетъ». А, вотъ, у насъ такъ такой вѣры нѣтъ, и убѣждены мы, что на «знамени лучшихъ органовъ литературы» будетъ стоять не «народъ», а другое слово, выражающее опредѣленную часть «народа» или, еще правильнѣе, «народовъ». Г. Гриневичъ смотритъ не впередъ, а назадъ, и въ этомъ лежитъ причина всѣхъ ошибокъ его мысли. «Все то, что останавливается и оборачивается назадъ», — говорилъ одинъ знаменитый русскій писатель, — каменѣетъ, какъ жена Лота и покидается на дорогѣ. Исторія принадлежитъ постоянно одной партіи, — партіи движенія». Съ какой же «партіей движенія» могутъ быть теперь совѣстимы пресловутые «земледѣльческіе идеалы», сущность которыхъ такъ великолѣпно раскрыта въ очеркѣ Глѣба Успенскаго «Не суйся»? Нѣтъ, слово «народъ» уже было на знамени «партіи движенія», но исторія его стерла. Это уже *прошлое*, и кто обращается къ нему, тотъ рискуетъ превратиться въ «жену Лота»...

Like the dew on the mountain,
Like the foam on the river,
Like the bubble on the fountain
They are gone-and for ever! ***).

Эти слова великаго англійскаго поэта вполне можно примѣнить и къ народническимъ идеямъ. Для настоящаго времени нужны новыя идеи, народническія же *are gone*, и мы въ томъ убѣждены, — *for ever!* Да, *for ever*, ибо, скажемъ мы словами только что цитированнаго русскаго писателя, «исторія не возвращается, жизнь богата тканями, ей никогда не бываютъ нужны старыя платья. Всѣ возстановленія, всѣ реставраціи были всегда маскарадами».

Но значитъ ли это, что настоящее чуждается своего прошлаго, исключаетъ ли основная точка зрѣнія этого настоящаго

*) Ibid., стр. 432.

**) По поводу двухъ юбилеевъ, стр. 124.

***) Подобно росѣ на горѣ, подобно пѣнѣ на рѣкѣ, подобно брызгамъ въ фонтанѣ, они прошли навсегда (Байронъ).

Необузданную, дикую
Къ лютой подлости вражду,
И довѣренность великую
Къ безкорыстному труду?

Разумѣется нѣтъ, и лишь безнадежное тупоуміе или предвѣрен-
ное клеветничество способны къ такому ея толкованію. И «вражда»,
и «довѣренность» являются чертами столь же обязательными для на-
стоящаго, какъ и для прошлаго, но, считаясь съ взаимоотношеніемъ
реальныхъ силъ, мы лишь утверждаемъ, что «земледѣльческіе идеалы»
ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть поставлены въ активъ для успеш-
наго воплощенія въ жизнь ея болѣе совершенныхъ формъ, что «рас-
крестьяниваніе» сельской массы ведетъ за собою и перераспределеніе
соціальной силы и что по этой причинѣ, идя такимъ путемъ, мы не
отдаляемся, а приближаемся къ весьма опредѣленной цѣли. Кто думаетъ
иначе, тотъ пусть и позится съ «земледѣльческими идеалами». Намъ же
съ ними дѣлать нечего: у насъ найдется *свое* дѣло...

В. Богучарскій.